УДК 808.2-541.3(092)

Л.А. БУЛАХОВСКИЙ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПУРИЗМЕ В.И. ДАЛЯ

Бровко А.С.

Вопрос о заимствованиях в любом языке не менее стар, чем сам язык. Конечно, пишет В.Г. Белинский, "каждый народ владеет известным количеством слов,.. оборотов, которых нет... ни у какого другого народа. Но как все народы суть члены одного великого семейства- человечества,.. то и необходим между народами размен понятий, а следовательно, и слов..." [1, 169] Еще категоричней эта мысль звучит в следующем тезисе великого критика и мыслителя: "Все народы меняются словами и занимают их друг у друга". [1, 167]

Казалось бы, объективная закономерность обмена словами и выражениями, являющаяся следствием торговой, экономической, научной, культурной, спортивной, военной (куда деваться?!) связей между народами и государствами, совершенно очевидна, однако были времена и даже целые периоды, когда между сторонниками и противниками заимствований вспыхивала напряженная, бескомпромиссная, а в итоге бесплодная борьба; например, между сторонниками Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова. Бесплодность подобных схваток видна хотя бы на такой статистической выкладке: латинский содержит в своем лексиконе более семи тысяч греческих слов; в немецком заимствования исчисляются десятками тысяч; в английском их более половины, причем, только романских, главным образом из французского, - свыше 50%; современный корейский язык насчитывает около 75% слов китайского происхождения. По сравнению с приведенными цифрами, процент заимствований в русском (до 10) настолько незначителен, что напрасно, предупреждал Белинский, "пуристы боятся ненужного наводнения иностранных слов: опасение больше чем неосновательное! Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление". [1, 167]

У Л.А. Булаховского не возникало вопроса - полезны заимствования или вредны. Он их воспринимал как неизбежную реальность и потому ставил задачей проследить исторический путь перехода в русский слов из других языков, не игнорируя случаев их "транзита" через языки-посредники. Здесь он преуспел гораздо более других не только широтой охвата материала, но и глубиной исследования. Достаточно показательно в этом отношении учебное пособие "Введение в языкознание", часть II, раздел "Заимствование слов" (М., 1953), способное служить примером лингво-исторического анализа; прослеживания пути перехода слов из одного языка в другой, третий и т.д.; систематизации способов заимствования; указаний, с комментариями, на сопровождающие заимствование перемены в слове - требуемые внутренними законами заимствующего языка семантические, фонетические, морфемные и морфологические коррективы. Несколько тезисов-иллюстраций к вышесказанному.

1. Различаются два способа проникновения в языки заимствуемых слов - устное проникновение и письменное, книжное [2, 111].

2. Первопричину лексических заимствований следует искать в названиях культурных понятий, предметов, заимствованых из относительно более высокой цивилизации, в связи с чем исторически прослеживаются такие хронологические (от самых ранних до самых поздних) слои международной лексики европейской цивилизации: "малоазийский, индийский и семитический - вавилонский, далее - слой древнегреческий, позже - латинский, за ним - менее влиятельный, но заметный арабский, ближе к нашему времени - итальянский и французский, за ними - в отношении западных и восточнославянских языков - немецкий; для восточнославянских языков некоторое время (XVI - XVIII вв.) роль влиятельного передатчика интернационализмов играет польский..." [2, 114]. Проживи на два-три десятка лет больше, Булаховский не преминул бы назвать одним из последних щедрых языков-доноров - английский, едва ли не самый популярный сегодня в мире.

3. Не нужно думать, что заимствование идет только от народов, "опередивших культурно другие". Бывают и так называемые "возвратные заимствования". Русское коляска заимствовано из польского kolasa, kolaska. В польском это слово из итальянского calesse; в романские языки оно попало из славянских же (чеш. kolesa: ср. kolo - "круг", русское колеса и т.п.) Вероятно, к итальянскому слову calesse восходит и сербское колеса" [2, 117].

4. Много слов перенимается через определенную социальную среду, в частности, профессиональную. Так, из немецкого русский (да и украинский) заимствовал названия ремесел, инструментов, трудовых

процессов и продуктов труда (слесарь, шуруп, стамеска, верстак, полировать; "от поваров-французов распространилась... номенклатура изысканной барской и ресторанной кухни: ...фрикассе.., рагу.., желе.., пломбир..." [2, 118-119].

5. "При перенимании из языка в язык слова могут приобретать на новой почве значения, очень удалившиеся от первоначальных..." "Господи, помилуй!" в Древней Руси провозглашали по-гречески: Kyrile, eleeson! Последнее восклицание, вероятно, первоначально в обстановке какого-то нарушения церковного благочиния, вошло в основу слова куролесить - "шалить", "проказить", "бесчинствовать" [2, 120-121].

6. "...слово, усвоенное из другого языка, обычно полностью теряет свою внутреннюю форму"... Курорт не распадается в нашем сознании, как для немца (kur-ort), на "лечебное место" ("лечить" - kurieren, "место" - ort)" [2, 121].

7. "Для многих устных заимствований... показательна неустойчивость их внешнего, звукового обличья" [2, 122].

8. Неодинакова степень перенимаемости различных частей речи. "...поступающих изустным путем больше всего из полнозначных – имен существительных. Могут заимствоваться и имена прилагательные, обыкновенно... приобретающие в языке, в который входят,... заметные словообразовательные приметы... Числовые наименования перенимаются почти исключительно как большие числа (сто, тысяча, миллион, миллиард)... Очень редко заимствуются наречия... Вовсе не заимствуются местоимения... Среди заимствованных слов относительно мало глаголов... Из служебных слов возможно заимствование союзов... Как правило, не заимствуются предлоги... Языки могут перенимать друг от друга... междометия" [2, 122; 124]. Например, браво, виват, баста...

Помимо непосредственных заимствований, Булаховский называет кальки - "перенимание... образов", "снятие копий" слов (например, русское недочет передается на украинском калькой недолік, "где лік представляет собой передачу-соответствие от украинского глагола лічити - "считать") и полукальки - "наполовину сохранение, наполовину перевод"...: немецкое perlmutter, откуда наше перламутр, - передача французского слова mere-perle (ср. итал. madre-perla - тот же образ: "мать-перл") [2, 124-127].

Не обошел ученый случаи подчинения перенимаемых слов грамматическим особенностям заимствующего языка. Так, начальная форма (sing.) слова рельс восходит к форме множественного числа (plur.) английского rails (sing. rail + формант plur. s), имея собственно русский показатель множественности - флексию - ы (рельсы). То же самое в слове бутс-бутсы, хотя в английском boots - plur. форма от sing. boot (ботинок) + plur. формант s (ботинки) [2, 123].

Особенно активно, как известно, заимствованные слова хлынули в русский язык в петровское время. Из них, замечает Булаховский, "легко выделить пену - случайные, внесенные в духе моды к иностранному слова, иногда остававшиеся понятными только тому, кто их употребил". Даже сам Петр изнемогал, подчеркивает Булаховский, от варваристического усердия своих помощников, о чем можно судить хотя бы по его письму к послу Рудаковскому: "В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком..." [3, 29].

К ярым неприятелям заимствований в русском языке причисляют и В.И. Даля, который, кстати, и сам не скрывал, что "почти с детства смесь нижегородского с французским" была ему "ненавистна". Тем не менее, пуризм Даля - это не консервативно-монархический пуризм Шишкова, и считать его, как это делал Булаховский, "фанатическим поклонником национальной специфики, представителем исключительно деятельного пуризма" [4, 257], "наиболее высоким гребнем пуристических волн" [5, 74] нет веских оснований.

У Даля действительно были серьезные опасения за, мягко выражаясь, неблагополучное современное ему состояние и судьбу русского литературного языка. Вот что писал он и докладывал Обществу любителей российской словесности тремя годами раньше начала выхода в свет его Словаря: "Испещрение речи иноземными словами... вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим, почитая русское слово, до времени, каким-то неизбежным худом, каким-то затоптанным половиком, рогожей, которую надо усыпать цветами иной почвы, чтобы порядочному человеку можно было по ней пройтись [6, XXXII - XXXIII].

В то же время Даль хорошо понимал, что "от исключения из словаря чужих слов их в обиходе конечно не убудет...",что "ухо, привычное к эмансипации, цивилизации, гуманности, не находит этих знакомых звуков ни в одном русском слове, и потому, как ни переводи их, все многие будут отвечать: нет, это не то" [7, XXIV - XXV].

Где же выход? В отказе от игнорирования заимствований, в разумном их принятии. Практический шаг составителя, "филолога-самоучки"? - "в словаре сем, с намереньем, не были опускаемы чужесловы, по

двум причинам: во-первых, словарник не законник, не уставщик, а сборщик; он обязан собрать и дать все, что есть, позволяя себе разве только указания на неправильность, уклонения и примеры для замены дурного лучшим; во-вторых, долг его перевести каждое из принятых слов на свой язык, и выставить тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка, чтобы показать, есть ли у нас слово это, или его нет" [7, XXIV].

По нашим подсчетам, в толковом словаре Даля только тех заимствованных слов, о которых содержатся в статьях указания на язык-источник, - 1419. Абсолютное же большинство "усвоенных" заимствований подобных помет в словаре не имеет; например, такие слова, как арбуз, базар, кровать, кукла, лента, огурец, тетрадь, чай. Следовательно, уже при Дале и, главное, самим Далем за давностью заимствования и прочностью ассимиляции русским языком очень многие слова такого рода иноязычными не воспринимались. Это еще один плюс в пользу Даля.

Наконец, образованных автором словаря по закону русского словообразования слов лишь как русских эквивалентов "вновь захожих чужеслов" нами насчитано не более 245. Причем, их употребление в словаре было продиктовано желанием Даля не противопоставить иноязычным, а сопоставить их друг с другом с единственной целью - помочь нуждающимся разобраться, "каким русским словом может быть заменено иноземное" и, наоборот, "русские... - более или менее принятыми чужесловами"; особенно, если принять во внимание, что иное чужеземное - "не редко читателю более знакомое, чем свое, родное" [7, XXV]. Очень важно в этом смысле категорическое утверждение Даля в "Ответе на приговор" (январь, 1867), вызванное рецензией на его словарь г.Пыпина: "...во всем словаре моем нет ни одного мною выдуманного слова, то есть, нет в красной строке, как слово объясняемое; в толкованиях могут попадаться, хотя весьма редко, слова, не бывшие доселе в обиходе..." [8, LXXXVIII].

Этим утверждением Даль отбросил несправедливые нарекания в свой адрес, будто бы "он помещает в словарь народного языка слова и речи противные его духу, и следовательно, по-видимому, вымышленные, или по крайней мере весьма сомнительного свойства" [8, LXXXVI]. И как, мол, поверить в их истинное существование, коль в словаре отсутствуют указания, "где именно и кем они сообщены составителю". А можно ли, спрашивает составитель, это выполнить, и во что превратится словарь, содержащий 80 тысяч таких слов, "которых нет доселе ни в одном словаре", и собрал их только один человек - "сам собиратель", "подбиравший крохи эти случайно и 40 лет сряду..?" [8, LXXXVI]. На кого сослаться?

Как видим, лексический состав Словаря, включая все приведенные в нем заимствования, "Напутное слово" к Словарю, любой так или иначе относящийся к поднятому вопросу материал Даля убеждают в умеренных, а не "фанатических", "исключительно деятельных" тенденциях его как пуриста, в понимании им объективной неизбежности заимствований, в интернациональном, общечеловеческом такте по отношению к "чужесловам", ставшим неотъемлемой частью русского словаря [9, 100-102].

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские писатели о языке. Хрестоматия./ Под общей редакцией А.М. Докусова. Изд. 2-е. - Л.: Учпедгиз, 1955
2. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. - ч.II - М., 1953.
3. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. - К., 1950.
4. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века т.II - К., 1948.
5. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. - К. 1949.
6. Даль В. О русском словаре// Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. - т.I - М.,1955.
7. Даль Влад. Ив. Напутное слово //Толковый словарь живого великорусского языка. - т.I - М.,1955.
8. Даль В.И. Ответ на приговор //Толковый словарь живого великорусского языка. - т.I - М., 1955.
9. Бровко А.С. Пуризм В.И.Даля //Творческое наследие В.И.Даля в идейно-нравственном формировании личности. Тезисы докладов и сообщений четвертых Далевских чтений. - Ворошиловоград, 1988.